ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА

УДК 165.5

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-4/65-72](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-4/65-72)

Ф.Е. Ажимов, Р.Ю. Сабанчиев, И.О. Щедрина*

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВНОГО ПОДХОДА**

Понятия «коллективная память» и «история» уже почти век находятся на острие гуманитарных дискуссий. Но несмотря на такой продолжительный период исследований их границы по-прежнему остаются размытыми, и на этом фоне постоянно предпринимаются попытки их сближения. Оправданы ли эти попытки? Ответить на этот вопрос попытались авторы данной статьи, опираясь на анализ концепций М. Хальбвакса и П. Нора. Кроме того, авторы обратились к методологическому потенциалу нарратологии, проецируя на ее концептуальную сетку признанные в специальной литературе сходства и различия феноменов «коллективной памяти» и «истории». По мнению авторов, обращение к нарратологии позволяет сделать еще более основательной точку зрения, согласно которой «коллективная память» и «история», несмотря на глубокую взаимную связь, представляют собой два разных, а в некоторых случаях и противоположных друг другу феномена.

Ключевые слова: история, коллективная память, места памяти, Морис Хальбвакс, Пьер Нора, проблема ментальности, эпистемологический анализ

Collective memory and history in the context of the narrative approach. FELIX E. AZHIMOV (Far Eastern Federal University), RUSTAM Yu. SABANCHEEV, IRINA O. SHCHEDRINA (State Academic University for Humanities)

The concepts of «collective memory» and «history» have been at the forefront of discussions in the humanities for almost a century. However, their boundaries remain blurred, and that is why attempts are constantly being made to bring them closer. Are these attempts justified? The authors of this article tried to answer this question, relying on the analysis of the concepts of Maurice Halbwachs and Pierre Nora. They also turned to the methodological potential of narratology, projecting on its conceptual grid the similarities and differences between «collective memory» and «history» articulated in the specialized literature. According to the authors, it is the appeal to narratology that allows us to justify the opinion, according to which «collective memory» and «history», despite a

* АЖИМОВ Феликс Евгеньевич, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения, директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: azhimov.fe@dvfu.ru

САБАНЧИЕВ Рустам Юнусович, аспирант философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: silvermarker@yandex.ru

ЩЕДРИНА Ирина Олеговна, аспирант философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: semargel@mail.ru

© Ажимов Ф.Е., Сабанчиев Р.Ю., Щедрина И.О., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01252.

deep mutual connection, represent two different and, in some cases, opposite phenomena.

Keywords: history, collective memory, memory sites, Maurice Halbwachs, Pierre Nora, mentality problem, epistemological analysis

У каждой социальной группы есть память о своем прошлом. Эта память, словно каркас, прочно удерживает пусть даже зачастую мнимое, но единство коллектива. Обращаясь к прошлому своей социальной группы, люди приобщаются к системе надындивидуальной памяти, одновременно формируя ее. Надындивидуальная память, таким образом, выполняет чрезвычайно значимую социальную функцию. И прежде всего именно по этой причине она оказывается сегодня в поле зрения социально-гуманитарных наук. Причем горизонт исследований этого феномена весьма широк. Но для наших целей, коль скоро речь ниже пойдет прежде всего о философско-методологической оценке сходства и различия феноменов коллективной памяти и истории, особо отметим социологические, когнитивно-психологические и культурологические подходы. Именно они образуют содержательный фон данной статьи, поскольку в их рамках достаточно отчетливо обнаруживается тенденция сближения надындивидуальной памяти и исторической науки.

Эту тенденцию можно обнаружить в рамках социологических исследований, среди которых выделяются теоретические и практические, что обнаруживается в вариациях указанной тенденции. Среди теоретиков коллективной памяти – Т. Адорно, П. Бергер и Т. Лукман, Э. Дюркгейм, Дж. Олик, М. Хальбвакс, Н. Элиас [1; 7; 12; 23; 25; 26; 30]. Эмпирические исследования коллективной памяти в социологическом ключе проводили Т.П. Емельянова и А.В. Мишарина, Р. Карагезов, А. Стрельникова, Г. Шуман и Э.Д. Корнинг [13; 14; 17; 24; 29]. Исследования коллективной памяти в психологии и когнитивных науках впервые были представлены в трудах П. Жане, Ф.Ч. Бартлетта [15; 33]. Здесь следует особо отметить разработки концепций функционирования «трансактивной памяти» – памяти небольших социальных групп. Эта тема отражена в работах Н.Т. Кадилова и Н.И. Меркушовой, И. Рена и Л. Арготе, Д. Вегнера [16; 36; 37]. В рамках психологического подхода осуществляются и когнитивные исследования феномена коллективной памяти. Они отражены в работах А. Бейма, Т. Анастасио, К. Эренбер-

гера, П. Уотсона и В. Чжана [31; 32]. Культурологическое направление исследований коллективной памяти широко представлено в работах Ю.А. Арнаутовой, Я. И. А. Ассманов, А. Васильева, Ю.М. Лотмана, П. Коннертона [3; 4; 5; 6; 9; 19; 34].

Помимо указанных выше подходов, следует также отметить и работы общефилософского характера, в которых авторы рефлексивно анализировали темы, связанные с феноменом коллективной памяти. Так, его изучение в контексте истории характерно для работ П. Хаттона [27]. Эпистемологический анализ проблематики памяти разрабатывает А. Мегилл [21]. Феноменологический подход характерен для трудов П. Рикера. Комплекс этических проблем коллективной памяти описывает А. Маргалит [35].

И сегодня, опираясь на рассмотрение современных социально-гуманитарных исследований, можно сделать вывод о том, что попытки сближения феномена истории и феномена коллективной памяти преобладают. В результате и философы, и историки признают: «...Конечно, память и история – это разные и даже противоположные формы “воскрешения” ушедшей реальности. Однако современные исторические исследования обосновывают нерасторжимость их “брачного союза” и описывают условия его возможности» [28, с. 236]; «...Память и история взаимно дополняют и обогащают друга, соотнося отдельные факты и события с образами и символами, многообразными историческими явлениями и процессами» [10]. Конечно же, сложно не согласиться с этими утверждениями. История и коллективная память и вправду имеют много схожих черт. Поэтому, как нам представляется, отличия этих феноменов как бы проступают через их сходство, что и позволяет эксплицировать нарратологический подход.

Со времен Аристотеля существует классическое представление, что память психологического субъекта есть память о прошлом. И, хотя этот аргумент сегодня вполне можно подвергнуть критике, ведь помнить мы можем и о событиях, которое состоится в будущем (опираясь на опыт прошлого), но все же главное следствие этого тезиса заключается в том, что

память сопряжена со временем. Это суждение относится не только к индивидуальной памяти, но и к исследуемым нами феноменам. Сомнительно было бы утверждать, что для них не характерна *обращенность к прошлому*. При этом не важно, говорим мы в данном случае о реальном событии или нет. Когда мы подразумеваем «обращенность к прошлому», то имеем в виду не конкретное событие или его образ, а особого рода интенцию. Коллективная память и история всегда дискурсивно *направлены* в прошлое как в хронологически предшествующее настоящему. Такова их суть: и история, и коллективная память служат для поддержки диалога культур и поколений.

Подобную мысль подчеркивали философы XX в., обратившиеся к социальному в контексте памяти, истории и прошлого. Выражается это во многих, даже, казалось бы, мелких проявлениях. «Если мы посмотрим, – пишет Лиотар, – на форму поговорок, пословиц, максим, которые представляют собой как бы крохотные сколки с возможных рассказов или матрицы старинных рассказов и которые все еще продолжают циркулировать на некоторых уровнях современного общества, то сможем обнаружить в ее просодии печать этой странной темпорализации, которая полностью расходится с золотым правилом сегодняшнего знания – не забывать. Итак, должна существовать конгруэнтность между, с одной стороны, такой функцией нарративного знания как “забвение” и с другой – функциями формирования критериев, унификации компетенций и социальной регуляции, о которых мы говорили выше. Для простоты мы могли бы сказать, что коллективность, которая делает из рассказа ключевую форму компетенции, вопреки нашим ожиданиям, не имеет потребности в воспоминаниях о своем прошлом. Она находит вещество своей социальной связи не только в значении передаваемых рассказов, но и в самом акте их рассказывания» [18, с. 59–60].

Еще одна черта, позволяющая говорить о сходстве, на фоне которого проступают различия коллективной памяти и истории, – их нарративный характер. Передавая знание о прошлом, человек пользуется различными «инструментами», будь то фотографии, видеозаписи, картины, тексты. Однако в основе всего этого лежит рассказ. В настоящее время с историей и нарративом связывается феномен медиа, причем как в положительном, так и в отрицательном ключе. Способность выстраивать нарратив, переда-

вать знания в актах коммуникации – вот главные составляющие механизма коллективной памяти. Недаром ученые пытались моделировать формы нарратива о прошлом (П. Жане), а философы видели угасание коллективной памяти и связывали его с кризисом жанра рассказа (В. Беньямин). В конце XX в. нарративная тематика пережила настоящий подъем, вызванный одновременно интересом и потоком критики со стороны представителей постструктурализма («постистория» и «искусственная память» Ж. Бодрийяра [8, с. 71], кризис «метанарратива» Ж.-Ф. Лиотара [20]). Эти процессы имеют исторические корни. Начиная с XX в. проводятся эксперименты со словом – акцентуация «потока сознания», использующаяся не только в философии, но и в литературе (Дж. Джойс, М. Пруст), в музыке (модерн, додекафония), в кинематографе («В прошлом году в Мариенбаде» А. Рене и др.), превращает читателя (зрителя, слушателя) в соавтора, призванного не столько понимать авторскую мысль, сколько самому додумывать сюжетные повороты. Читатель сам становится рассказчиком историй (или, выражаясь современным исследовательским языком, нарратором). И в этом смысле усиление роли читателя по отношению к рассказываемому проявляется в более широком масштабе, не только в рамках отдельных нарративов, но в рамках восприятия истории как нарратива в целом.

Ж. Бодрийяр писал: «История была могучим мифом, возможно, последним великим мифом наряду с бессознательным. Это тот самый миф, который поддерживал одновременно возможность “объективной” связности причин и событий и возможность нарративной связности дискурса. Век истории – это также и век романа, если можно так выразиться. Именно эта сказочность, мифическая энергия события или рассказа, теряется сегодня, кажется, еще в большей степени. За перформативной и демонстративной логикой – одержимость исторической достоверностью, совершенным воспроизведением <...>, эта негативная достоверность одержима материальностью прошлого, настоящего (той или иной сценой прошлого или настоящего), реставрацией абсолютного подобия прошлого или настоящего, заменившей собой все другие ценности, – к этому причастны все мы, и это необратимо» [8, с. 69]. Однако, проблема исторического нарратива куда более сложна, ведь нарратором в данном случае выступает историк. А это значит, что фактические

утверждения, выстроенные в историописании, связаны еще и с субъективной позицией исследователя. Отсюда возникает эпистемологическая проблема: можем ли мы говорить об объективном характере истории?

Третья общая черта коллективной памяти – ее образность и символичность. Пожалуй, любое знаковое для социальной группы событие связано с символами и образами. Социальная группа обладает собственной системой символов. К примеру, вокруг события могут формироваться облака слов-символов, позволяющих более образно интерпретировать произошедшее. Отношения в коллективе могут регулироваться посредством символических ритуальных действий. Значение этих действий может меняться или утрачиваться. Однако если они и продолжают существовать, то именно за счет постоянных репрезентаций. Обращаясь к постструктуралистским тенденциям, можно говорить об амбивалентности этих репрезентаций с помощью концепта «деконструкции» Ж. Деррида. В перманентности социального, в перманентности коллективной памяти скрывается опасность самозабвения: «Деконструкция с необходимостью осуществляется изнутри; она структурно (то есть без расчленения на отдельные элементы и атомы) заимствует из прежней структуры все стратегические и экономические средства ниспровержения и увлекается своей работой до самозабвения» [11, с. 141]. Однако такого рода «самозабвение» может быть преодолено за счет выхода за рамки классической философии, «...поскольку такого рода мышление замыкается на самом себе (о чем говорили и Кожев, и Адорно, и сам Деррида)» [2, с. 196].

Эйдетичность мышления и памяти – одна из ключевых черт, даже в рамках индивидуально-го. Мы помним уже отсутствующее, упущенное, прошедшее событие или действие, которое теперь являет собой образ. Коллективная память также не исключение. Она, как и история, насыщена образами: будь то идеализированные образ героя или образ врага. В гуманитарных и философских исследованиях, посвященных памяти в современном контексте (рассказываемое в медианарративах – через кинематограф, блоги, интернет-ресурсы), ученые во многом опираются на традицию, в рамках которой «несуществующее существующее» (определенный исторический образ) предстает как «медиум», как связующее звено между человеком и коллективом, коллективной памятью. Это далеко не все общие черты коллективной памяти и

истории. Но несмотря на кажущуюся схожесть феноменов, между ними есть существенные отличия. Это неоднократно пытались доказать в своих работах представители французской мысли. В их числе – ученик Эмиля Дюркгейма Морис Хальбвакс и последователь метода Школы «Анналов» Пьер Нора.

Нора наследует и продолжает идеи, которые впервые были представлены в текстах Хальбвакса. Две авторские концепции различаются исследовательскими задачами, которые ставили перед собой ученые. К ним мы вернемся позже, а теперь, основываясь на размышлениях Нора и Хальбвакса, очертим границы двух исследуемых нами феноменов и постараемся ответить на вопрос: в чем разница между коллективной памятью и историей?

Итак, во-первых, *коллективная память тесно связана с индивидуальной*. Хальбвакс пишет, что индивидуальная память служит опорой для коллективной памяти. Если нам требуется уточнить или подтвердить какое-либо воспоминание, то мы можем «погрузиться» в коллективную память, «на короткое время слиться с ней» [25, с. 8]. Очевидно, что выдвигая такие тезисы, Хальбвакс считает, что любая память а priori имеет социальную природу и формируется в отношениях индивид-общество. На это явно указывают и другие суждения французского мыслителя, например, основанные на личном опыте: «...чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие» [26, с. 28].

Для того, чтобы прояснить взаимосвязь коллективной и индивидуальной памяти, Хальбвакс вводит понятие «рамки». Его можно интерпретировать как опорные точки. Они существуют вовне – в интерсубъективной среде. К ним, по мнению Хальбвакса, мы «привязываем» свои личные воспоминания. Рамки – это в том числе и воспоминания, только «более устойчивые», как пишет Хальбвакс. С их помощью мы можем реконструировать свое индивидуальное прошлое, фрагменты биографии. Но пустые рамки, не имеющие связи с нашей памятью, не могут наполняться сами собой. Они для нас просто абстрактное знание, коим и является, по сути, история, ведь «коллективные рамки памяти не сводятся к датам, именам и формулам, а, напротив, представляют течения мысли и опыта, в которых мы находим наше прошлое только потому, что оно ими пропитано» [25, с. 15].

Вторая особенность, отличающая историю коллективной памяти, – *это непрерывность и*

целостность последней. В этом сходятся мнения и П. Нора, и М. Хальбвакса. Они оба подчеркивают «живой» характер коллективной памяти. Так, Нора пишет: «...Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы» [22, с. 20]. В этом исследователь видит причину того, что коллективная память постоянно эволюционирует, она «... открыта диалектике запоминания и амнезии, ... подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления» [22, с. 20]. За счет такой «нестатичности» сохраняется ее целостность: социальная группа постоянно живет новыми воспоминаниями.

Разумеется, мы можем говорить и о целостности истории, ведь зачастую ее мы воспринимаем как единый нарратив о цепочке событий, которые произошли в тот или иной период. Но это была бы «ложная целостность»: история – это, по мнению Нора, неполная реконструкция. «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого» [22, с. 20].

Однако, в отличие от истории, *коллективная память менее строга и критична к фактам*. И это третья черта, отличающая исследуемые нами феномены. Неоднократно вопрос о доверии к памяти поднимался среди специалистов по исторической эпистемологии. Например, А. Мегилл пишет, что вспоминающие склонны объединять в своих воспоминаниях то, что стало доступными только после того, как сами события произошли: «...Если мы придаем памяти абсолютную ценность, то мы открываем дверь опасной идее пытаться использовать неизбежные ошибки в воспоминаниях и тем самым полностью дискредитировать то, что говорят вспоминающие» [21, с. 106–107].

Так и коллективная память, по мнению Нора, «...в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [22, с. 20]. С другой стороны, история служит для того, чтобы этот баланс нарушить: для истории характерен критический дискурс, тогда как коллективная память пытается придать сакральный характер воспоминанию, она не считает его прозаическим.

Коллективная память – это картина сходств, а история – картина изменений. Призвание истории, по мнению Нора, – показать нам, что общество постоянно меняется, поэтому история делит время на периоды и эпохи. Но в случае коллективной памяти это не так. Если

социальная группа забывает собственное прошлое, то это значит, что мы уже имеем дело с совершенно другой социальной группой, которая сменила собой прежнюю, ведь коллективная память зависит от поколений: то, что было актуально и важно для отцов, уже не имеет такого значения для детей.

Когда мы говорим о коллективной памяти в этом свете, то можем сделать вывод, что она, в отличие от истории, служит индикатором сплоченности и единства социальной группы: «... Она представляет группе ее собственный образ, который, конечно, разворачивается во времени, поскольку речь идет о ее прошлом, но таким образом, что она всегда узнает себя в сменяющихся друг друга картинах» [25, с. 27].

Заключая изложенное выше, хотелось бы отметить еще одно отличие. История, по мнению П. Нора и М. Хальбвакса, возникает как потребность противостоять забвению коллективной памяти. Поэтому одной из целей исследования Хальбвакса и было выявить, где проходит грань между этими феноменами. А задача, которую ставил перед собой Нора, состояла в том, чтобы найти «места памяти», где история и коллективная память сливаются воедино.

Таким образом, между коллективной памятью и историей действительно существуют непреодолимые границы. Так сложилось, что история, как комплекс методов и знаний о прошлом, scrupulously оценивает «единицы», с которыми ей приходится работать, – события или эпохи. Для нее они важны скорее не как феномены, а как факты. Коллективная память, напротив, лишена критической рефлексии, поэтому в ней могут сосуществовать воспоминания о реальных событиях и мифы. Помимо этого, важной чертой коллективной памяти является ее неразделимая связь с индивидуальной памятью и жизнью социальной группы. Разумеется, эти аспекты сегодня представляют огромный интерес и для исторической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 36–45.
2. Ажимов Ф.Е. Влияние философского дискурса Г.В.Ф. Гегеля на творчество Ж. Деррида // Философские исследования. 2010. № 1–2. С. 187–197.
3. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового вре-

- мени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 47–55.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
5. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
6. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальной конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.
9. Васильев А.Г. Осевое время «memory studies»: Российский след // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1. С. 6–11.
10. Глушенко Г.Ю. История versus память: к проблеме взаимосвязи истории и памяти // Философская мысль. 2018. № 1. С. 37–50.
11. Деррида Ж. О грамматики. М.: Ad Marginem, 2000.
12. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995
13. Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
14. Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Спектр представлений о победе в Великой Отечественной войне у четырех поколений россиян // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 108–119.
15. Жане П. Психологическая эволюция личности / Пер. с фр. Н.Ю. Федуниной. М.: Академический Проект, 2010.
16. Кадилов Н.Т. Меркушова Н.И. Как система трансактивной памяти влияет на процесс коллективной работы и на его результаты? // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 1. С. 51–82.
17. Карагезов Р. Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации (на материале эмпирического исследования молодежи Азербайджана) // Кавказ и глобализация. 2009. № 1. С. 113–124.
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998.
19. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992.
20. Маслов Е.С. Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2. Ч. II. С. 150–152.
21. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2007.
22. Нора П. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999.
23. Олик Дж. Фигурации памяти: процессор-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. II. № 1. С. 40–74.
24. Стрельникова А. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 118–125.
25. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
26. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007.
27. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004.
28. Чеканцева З.А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 229–239.
29. Шуман Г., Корнинг Э.Д. Коллективное знание об общественно значимых событиях // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 50–77.
30. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002.
31. Anastasio, T.J., Ehrenberger, K.A., Watson, P. and Wenyi Zhang, 2012. Individual and collective memory consolidation: analogous processes on different levels. Cambridge: MIT Press.
32. Beim, A., 2007. The cognitive aspects of collective memory. Symbolic Interaction, Vol. 30, no. 1, pp. 7–26.
33. Bartlett, F.C., 1995. Remembering: a study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press.
34. Connerton, P., 2010. How societies remember. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Margalit, A., 2002. The ethics of memory. Cambridge: Harvard University Press.
36. Ren, Y., Argote, L., 2011. Transactive memory systems 1985–2010: an integrative framework of key dimensions, antecedents, and consequences. The Academy of Management Annals, Vol. 5, no. 1, pp. 189–229.

37. Wegner, D.M., 1986. Transactive memory: a contemporary analysis of the group mind. In: Mullen, B. and Goethals, G.R. eds., 1986. Theories of group behavior. New York: Springer-Verlag, pp. 185–208.

REFERENCES

1. Adorno, T., 2005. Chto oznachaet «prorabotka proshlogo» [What does «study of the past» mean?], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2–3, pp. 36–45. (in Russ.)
2. Azhimov, F.E., 2010. Vliyanie filosofskogo diskursa G.W.F. Gegelya na tvorchestvo Zh. Derrida [The influence of philosophical discourse G.W.F. Hegel on the works of J. Derrida], *Filosofskie issledovaniya*, no. 1–2, pp. 187–197. (in Russ.)
3. Arnautova, Yu.A., 2006. Kul'tura vospominaniya i istoriya pamyati [Culture of remembering and history of memory]. In: Repina, L.P. ed., 2006. *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni*. Moskva: Krug, pp. 47–55. (in Russ.)
4. Assmann, A., 2014. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
5. Assmann, A., 2016. Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi [New discontent with memorial culture]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
6. Assmann, J., 2004. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory and early civilization: writing, remembrance, and political imagination]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (in Russ.)
7. Berger, P. and Luckmann, T., 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moskva: Medium. (in Russ.)
8. Baudrillard, J., 2015. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Moskva: Postum. (in Russ.)
9. Vasil'ev, A.G., 2012. Osevoe vremya «memory studies»: Rossiiskii sled [Axial time of «memory studies»: the Russian mark], *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*, no. 1, pp. 6–11. (in Russ.)
10. Glushchenko, G.Yu., 2018. Istoriya versus pamyat': k probleme vzaimosvyazi istorii i pamyati [History vs memory: to the issue of the relationship between history and memory], *Filosofskaya mysl'*, no. 1, pp. 37–50. (in Russ.)
11. Derrida, J., 2000. *O grammatologii* [Of grammarology]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)
12. Durkheim, E., 1995. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moskva: Kanon. (in Russ.)
13. Emel'yanova, T.P., 2002. *Sotsial'noe predstavlenie kak instrument kollektivnoi pamyati (na primere vospominanii o Velikoi Otechestvennoi vojne)* [Social representation as a tool of collective memory (on the example of memories of the Great Patriotic War)], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 23, no. 4, pp. 56–66. (in Russ.)
14. Emel'yanova, T.P. and Misharina, A.V., 2015. *Spektr predstavlenii o pobede v Velikoi Otechestvennoi vojne u chetyrekh pokolenii rossiyan* [The view of the victory in the Great Patriotic War by four generations of Russians], *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 108–119. (in Russ.)
15. Janet, P., 2010. *Psikhologicheskaya evolyutsiya lichnosti* [Psychological evolution of personality]. Moskva: Akademicheskii Proekt. (in Russ.)
16. Kadirov, N.T. and Merkusheva, N.I., 2017. *Kak sistema transaktivnoi pamyati vliyaet na protsess kollektivnoi raboty i na ego rezul'taty?* [How does transactive memory system affect a process of collaborative work and its results?], *Organizatsionnaya psikhologiya*, Vol. 7, no. 1, pp. 51–82. (in Russ.)
17. Karagezov, R., 2009. *Kollektivnaya pamyat' i natsional'naya identichnost' v ehpokhu globalizatsii (na materiale empiricheskogo issledovaniya molodyozhi Azerbaidzhana)* [Collective memory and national identity in the era of globalization (based on the empirical research of the youth of Azerbaijan)], *Kavkaz i globalizatsiya*, no. 1, pp. 113–124. (in Russ.)
18. Lyotard, J.-F., 1998. *Sostoyaniye postmoderna* [The postmodern condition]. Sankt-Peterburg: Aleteia. (in Russ.)
19. Lotman, Yu.M., 1992. *Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii* [Memory in the light of cultural studies]. In: Lotman, Yu.M., 1992. *Izbrannye stat'i v 3-kh t. T. 1*. Tallinn: Aleksandra. (in Russ.)
20. Maslov, E.S., 2015. *Ponyatie «metanarrativ» J.-F. Liotara v kontekste narratologii* [J.-F. Lyotard's concept of «metanarrative» in the context of narratology], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2, pp. 150–152. (in Russ.)

21. Megill, A., 2007. Istoricheskaya epistemologiya [Historical epistemology]. Moskva: «Kanon+»; ROOI «Reabilitatsiya». (in Russ.)
22. Nora, P., 1999. Frantsiya-pamyat' [Rethinking France]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (in Russ.)
23. Olick, J., 2012. Figuratsii pamyati: protsessorelyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figuration of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case], Sotsiologicheskoye obozreniye, Vol. II, no. 1, pp. 40–74. (in Russ.)
24. Strel'nikova, A., 2011. Kollektivnaya pamyat' v gorodskom prostranstve: mesta pamyati ob Afganskoi voine [Collective memory in urban space: memory sites of the Soviet-Afghan war], Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya, no. 6, pp. 118–125. (in Russ.)
25. Halbwachs, M., 2005. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory], Neprikosnovennyi zapas, no. 2–3, pp. 8–27. (in Russ.)
26. Halbwachs, M., 2007. Sotsial'nye ramki pamyati [The collective memory]. Moskva: Novoe izd-vo. (in Russ.)
27. Hatton, P.H., 2004. Istoriya kak iskusstvo pamyati [History as an art of memory]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)
28. Chekantseva, Z.A., 2015. Kollektivnaya pamyat' i istoriya [Collective memory and history], Prepodavatel' XXI vek, no. 4, pp. 229–239. (in Russ.)
29. Shuman, G. and Korning, E.D., 2005. Kollektivnoe znanie ob obshchestvenno znachimyykh sobyitiyakh [Collective knowledge of socially significant events], Otechestvennye zapiski, no. 3, pp. 50–77. (in Russ.)
30. Elias, N., 2002. Pridvornoe obshchestvo: issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoi aristokratii [The court society: research on the sociology of the king and the court aristocracy]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (in Russ.)
31. Anastasio, T.J., Ehrenberger, K.A., Watson, P. and Wenyi Zhang, 2012. Individual and collective memory consolidation: analogous processes on different levels. Cambridge: MIT Press.
32. Beim, A., 2007. The cognitive aspects of collective memory. Symbolic Interaction, Vol. 30, no. 1, pp. 7–26.
33. Bartlett, F.C., 1995. Remembering: a study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press.
34. Connerton, P., 2010. How societies remember. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Margalit, A., 2002. The ethics of memory. Cambridge: Harvard University Press.
36. Ren, Y., Argote, L., 2011. Transactive memory systems 1985–2010: an integrative framework of key dimensions, antecedents, and consequences. The Academy of Management Annals, Vol. 5, no. 1, pp. 189–229.
37. Wegner, D.M., 1986. Transactive memory: a contemporary analysis of the group mind. In: Mullen, B. and Goethals, G.R. eds., 1986. Theories of group behavior. New York: Springer-Verlag, pp. 185–208.